

Не только как старший брат, любящий младшего, — совсем не так. И уж точно не как обычную братскую привязанность, какой он её прежде себе представлял.

С самого детства он считал величайшим счастьем в своей жизни иметь такого замечательного брата.

Замечательного брата, которому дозволено было потакать любым его капризам и бесчинствам.

Но теперь...

Мо Яо, заметив его ошеломленный, застывший вид, отчасти понял, что творится у того на душе. Он не стал останавливать Мо Чэня — ему и самому хотелось узнать, какова же будет реакция Сяобая. Что он подумает, как отнесется ко всему этому, смутно догадываясь о тех чувствах, что он к нему питает?

Мо Яо не тешил себя надеждой, что Сяобай ответит на его чувства, но все эти десяток с лишним лет в глубине души теплился слабый, призрачный огонек: а вдруг, узнав обо всем, Сяобай не испытает отвращения? Вдруг не возненавидит его и не станет шарахаться в ужасе, избегая при любой возможности?

Вдруг он не сочтет своего старшего брата настолько... мерзким?

Однако перекошенное от отчаяния лицо Сяобая вновь разбило все его надежды в пух и прах.

Мо Яо опустил голову, не отвечая Мо Сяобаю. Если бы сейчас прямо перед ним разверзлась земля, он бы с готовностью провалился сквозь неё — лишь бы не нужно было смотреть в глаза Мо Сяобаю, лишь бы не видеть его отвращения... и омерзения.

Ему было всё равно, что думают остальные, но если и Сяобай сочтет его извращенцем, тогда он погибнет окончательно и бесповоротно.

Мо Сяобай, глядя на его поникшую фигуру и молчание, чувствовал, как страх расплзается изнутри, затапливая всё вокруг тяжелой, удушающей волной.

В спальне царила мертвая, гнетущая тишина.

Все трое едва сдерживали дыхание. Мо Чэнь зажал рот рукой, терзаемый раскаянием, — он наконец-то осознал всю тяжесть своей оговорки.

Быть может, он только что разрушил то, чего старший брат ждал и хранил в тайне столько лет, сжигая себя изнутри.

Пи-и-и!

Пронзительный свисток разорвал зловещую тишину комнаты. Мо Сяобай сорняком подскочил с кровати и стремглав выбежал из казармы, словно за его спиной гналась какая-то свирепая, кровожадная нечисть.

Мо Яо мрачно проводил взглядом его паническое бегство, горько и холодно усмехнувшись. На сердце было выжженное пепелище.

Мо Чэнь робко и виновато произнес:

— Глава, прости... Если бы не я...

— Не твой этоб удел! — голос звучал глухо, преисполненный скорби и непоколебимого спокойствия. — Он всё равно бы рано или поздно узнал.

Безумно любить человека и при этом делить с ним каждый день жизни — такую бурю чувств невозможно утаить вечно. Он пытался скрывать это, наивно полагая, что сможет обуздать свои порывы, но домашние всё равно обо всём догадались.

Знали все, а теперь, судя по всему, дошло и до самого Сяобая.

Мо Яо молча прикусил губу и посмотрел в окно. Листья финиковой пальмы уже опали с ветвей и дрожали от холодного ветра. Курсанты почти все собрались на плацу, не хватало только его и Мо Чэня, которые теперь тоже бросились вниз.

Е Вэй подошла к Мо Сяобаю и протянула с насмешкой:

— Ого, ты глянь-ка! Чего это ты сегодня спустился первым? А где глава?

Мо Сяобай расплылся в улыбке и обвился руками вокруг локтя Е Вэй:

— Мамочка, твой сынок соскучился, вот и прибежал пораньше, чтобы повидаться с тобой!

— Тьфу!

Е Вэй подозрительно прищурилась, чувствуя неладное. Но Мо Сяобай продолжал улыбаться всё так же лучезарно, а его черные, похожие на спелый виноград глаза беззаботно бегали туда-сюда с честнейшим выражением лица — по этой физиономии невозможно было угадать ни единой мысли.

Мгновение спустя Мо Яо и Мо Чэнь тоже встали в строй.

Е Вэй перевела взгляд на обоих. Лицо старшего по-прежнему не выражало абсолютно ничего — такую непроницаемую маску он носил годами, и лишь рядом с Мо Сяобаем его черты порой смягчались. Пропустив его, Е Вэй посмотрела прямо на Мо Чэня и, заметив его раскаявшуюся физиономию, заподозрила неладное еще сильнее.

— Мо Чэнь, что стряслось?

Мо Чэнь вздрогнул:

— Е... товарищ инструктор, да ничего особенного!

— А чего у тебя лицо такое, будто у тебя мать померла?

Ши И бросила на неё сбоку свирепый взгляд, и Е Вэй тут же исправилась:

— То есть отец!

Вии, ну неужели тебе обязательно надо было хоронить кого-то из нас с Мо Е? — Ши И возвела глаза к небу и беззвучно прослезилась.

Мо Чэнь перевел дух и нашелся:

— Докладываю инструктору: переел, живот скрутило!

Е Вэй протянула с издевкой:

— Отлично, тогда на ужин можешь ничего не брать!

Мо Чэнь мысленно злорадствовал: эх, тетушка Е Вэй, и на старуху бывает проруха! Ха-ха, время ужина уже тью-тью, я свою пайку умял заранее!

Е Вэй встала в центре строя и гаркнула во весь голос:

— Курсанты, слушать мою команду! Сегодня ночью продолжаем беговую подготовку — шесть часов кросса! Это вам разминка перед завтрашним заданием!

Мо Чэнь остолбенел. Шесть часов бега? И после возвращения никакой еды, а завтра с утра — боевое задание?

Вторая тетушка, ты и правда мудра и непобедима, промашек от тебя не дождешься!

Все курсанты мысленно покрыли её трехэтажным матом: бегали с полуночи до полудня, ноги едва не отваливаются, и теперь опять бежать всю ночь?!

Мо Сяобай растерянно заморгал:

— Мам, у тебя маразм, что ли? Мы же сегодня уже отпахали восемь часов!

Е Вэй изогнула бровь:

— Что, возражения есть? Ладно, Мо Сяобай отправляется на разведывательную подготовку в одиночку, а остальные продолжают бег! Время пошло!

— Мам! — взвыл Мо Сяобай истощным голосом и по привычке умоляюще уставился на Мо Яо влажными глазами. Тот уже приоткрыл рот, чтобы заступиться, но Мо Сяобай резко отвернулся: — Пф! Сам пойду!

Мо Яо проводил взглядом его удаляющуюся фигуру, чувствуя себя так, словно у него вырвали кусок из груди.

С этого момента Сяобай, судя по всему, больше никогда не станет ластиться к нему и больше никогда не попросит ни о чем с такой мягкой, детской мольбой в голосе.

Е Вэй переглянулась с Ши И, чувствуя, что атмосфера накалена до предела. Ши И подошла ближе и спросила:

— Глава, ты обдумал то, о чем мы говорили в прошлый раз?

Мо Яо кивнул:

— Мам, завтра я улетаю на Ближний Восток.

Ши И слегка опешила. Она предлагала ему уехать еще три года назад, но он неизменно тянул и отказывался. Почему же на этот раз он согласился так легко?

Она подняла глаза и посмотрела вдаль: крошечная фигурка бегущего парня уже скрылась в густых зарослях джунглей. Но старший продолжал всматриваться в темноту леса, и во взгляде его плескалась такая бездонная тревога вперемешку со сдерживаемой болью.

Ши И тяжело вздохнула:

— Ладно, глава, можешь не участвовать в ночной тренировке. Собирай вещи, выступаем на рассвете.

— Угу.

Мо Яо дал согласие. Судя по состоянию Сяобая, ему действительно пора уходить. Сяобай не хочет его видеть, а он не хочет ставить его в неловкое положение.

Он не желал причинять Сяобаю хотя бы малейшие страдания.

Мо Яо глубоко выдохнул: нужно сделать это последнее дело — и можно уезжать.

Местом для разведывательной подготовки выбрали труднодоступные высокие горы в пяти километрах к тылу от лагеря. Горные цепи тянулись одна за другой, изрезанные крутыми обрывами и отвесными скалами, образуя сложный рельеф.

Мо Сяобаю предстояло за шесть часов взобраться на пятнадцать горных вершин и отстрелять мишени на противоположных утесах. Всего требовалось поразить две тысячи мишеней, по четыре выстрела на каждую — в лоб, в шейный отдел позвоночника, в сердце и в затылок. Меньше восьми тысяч попаданий означало провал тренировки.

Мо Сяобай карабкался вверх с безумным упорством смертника: забирался на пик, открывал огонь, тут же срывался к следующей вершине без единой передышки. Задыхаясь от нехватки воздуха, он продолжал цепляться за камни руками и ногами, взбираясь всё выше, словно у подножия горы за ним гнался хищный зверь с разинутой пастью.

Стоило ему только заметить слабинку и остановиться — и его тут же сглодают до костей, не оставив и мокрого места.

Мо Яо неотступно следовал за ним по пятам, не отставая и на тридцать метров. Он видел, как сквозь рваную одежду проступали капли ярко-алой, густой крови от укусов колючих ветвей, но сам парень казался нечувствительным к боли. Он видел, как на пальцах лопалась кожа от трения о скалы и длинные, прежде изящные белые пальцы обагрялись сукровицей и кровью, но тот продолжал упорно лезть вверх, наплевав на всё на свете.

Он видел, как Сяобай безумно вскидывал снайперскую винтовку и палил по противоположному склону в иступленном раже. Отдача от более чем десяти тысяч выстрелов колотила в грудь без остановки, сотрясая все тело, но он отказывался останавливаться.

Казалось, этот непрекращающийся грохот выстрелов помогал ему обрести призрачное чувство безопасности и заглушить глубокий, сковавший душу ужас.

Улучив момент, когда тот на секунду замер для прицельной стрельбы, Мо Яо щелкнул пальцами, метнув в него камешек. Тяжелая снайперская винтовка с оглушительным щелчком вылетела из рук парня и покатилась вниз по склону обрыва.

Мо Сяобай очнулся от оцепенения и резко обернулся.

Ни души.

— Выходи! — Мо Сяобай шарил глазами по сторонам: в зарослях, у края пропасти, за камнями.

Он уже обежал бесчисленное количество точек, но вокруг было пусто.

Не веря своим глазам, он точно чувствовал, что только что его ударили по запястью:

— Глава, выходи! Я знаю, что ты здесь!

— Глава, если не выйдешь, я сейчас же уйду в лагерь! И когда обнаружу, что тебя нет в казарме, я всё равно пойму, что ты тащился следом!

Никто не откликнулся.

Неужели и впрямь никого? Мо Сяобай нахмурился: неужели ему и вправду показалось?

Он тряхнул запястьем — от слишком частой стрельбы рука онемела и потеряла всякую чувствительность. Навалилась тяжелая, свинцовая усталость, и он рухнул плашмя на спину прямо у самого обрыва.

Полуночное небо было усыпано холодными, яркими звездами, и их бледный свет невидимыми цепями опутывал его по рукам и ногам — ни разорвать, ни сбросить. Мо Сяобай молча зажмурился.

А Мо Яо прятался в узкой расщелине скалы, прижавшись спиной к холодному камню и затаив дыхание.

В непроглядной темноте трещины горячая хрустальная капля скатилась по замерзшей щеке, но тут же затерялась в ночном ветре, гуляющем над обрывом, и бесследно исчезла.

Оказывается, он тоже умеет плакать.

Мужчина, обладавший силой и мощью небожителя, запрокинул голову во тьме и на секунду зажмурил глаза.

Он всегда искренне верил, что его безграничная нежность способна принести Сяобаю лишь радость, а всю боль и отчаяние он перетасит на собственные плечи.

Он и представить не мог, что в итоге заставит Сяобая пройти через такие муки.

Сегодняшний ночной побег от себя, это самоистязание и добровольное разрушение — всё это исходило от него. Все причиненные Сяобаю страдания исходили от него, все муки выпали на долю Сяобая по его вине.

Это он не смог справиться с ролью старшего брата.

Сердце сжималось, словно от ударов ножа.

Если бы он заранее знал, что однажды его чувства принесут Сяобаю столь великую боль, он непременно держался бы от Сяобая как можно дальше. С самого момента его рождения держался бы в стороне и ни за что не стал бы смотреть на него тогда.

Прости.

Сяобай...

Леденящий до костей ветер развеял последние остатки душевной тоски, и одинокая, мрачная фигура бесшумно растворилась в глубокой ночной темноте.

Когда Мо Сяобай вернулся в общежитие, было уже три часа ночи. Время ужина давно прошло, но на тумбочке кто-то оставил для него паровой пампушка-маньтоу. Едва переступив порог, Мо Сяобай бросил взгляд на кровать Мо Яо — глава действительно лежал там.

То, что ему показалось раньше, было лишь иллюзией, глава и вправду не следовал за ним.

Как же он хотел, чтобы всё это оказалось лишь игрой воображения.

Протянув руку, он смахнул маньтоу с тумбочки на стоявший рядом стол и беспечно рухнул поперек кровати.

В этот момент он не мог проглотить ни кусочка, да и настроения есть у него совсем не было. Тело, истощенное до предела, позволило ему быстро погрузиться в сон. Во сне он всё еще был трехлетним ребенком, который висел на спине у старшего брата, баловался, резвился и беззаботно улыбался.

Мо Яо, лежа на верхней полке, слышал, как его дыхание постепенно выравнилось. Он приподнялся, привел постель в порядок и, взглянув на часы, понял, что уже четыре часа утра. Он спустился с кровати и подоткнул одеяло со стороны Мо Сяобая. Поздней зимой стояла сильная студия, но Мо Сяобай во сне вечно скидывал одеяло — оно сползало и укрывало лишь верхнюю часть тела, оставляя обнаженными и руки, и длинные ноги. Среди ночи Мо Яо неизменно вставал, чтобы укрыть его заново. Глядя на его мирно спящее лицо, Мо Яо тихонько усмехнулся: спит прямо как свинья, на уголке рта даже застыло несколько капель слюны. Если сфотографировать его в таком виде, Сяобай после пробуждения точно завопит благим матом и устроит истерику, требуя немедленно удалить снимок.

Слегка вздохнув, он в последний раз подоткнул одеяло со стороны его плеча и пробормотал едва слышно: Сяобай, больше не сбрыкивай одеяло во сне. Погода такая холодная, даже с твоим крепким телосложением можно простудиться.

Словно в ответ на его слова, человек во сне слегка приподнял уголки рта — остаётся лишь гадать, что за прекрасный сон ему приснился. Мо Яо взял его за запястье, нахмурился и с болью в сердце вздохнул. Палец, и без того располосованный терновником до крови, от трения о грубые камни загноился, а при купании рана снова воспалилась, и теперь весь палец выглядел совершенно разбитым.

Он с укором глянул на спящего мертвецким сном маленького глупыша, взял бинт и мазь и

принялся осторожно обрабатывать рану. В тот момент, когда лекарство жгло кожу, спавший Мо Сяобай поморщился. Мо Яо приподнял его палец и легонько подул — прохладное дыхание приятно повеяло на гноящийся палец, прогоняя недавнюю боль, и брови Мо Сяобая постепенно разгладились.

Завязав палец, Мо Яо аккуратно спрятал его под одеяло. Видя, что тот крепко спит, он протянул руку, желая коснуться его щеки, но в самую секунду перед прикосновением замер и медленно отдернул руку.

В последний раз взглянув на юное, незрелое лицо спящего, он развернулся и ушел.

Мо Чэнь проснулся от голода. После шестичасовой тренировки по бегу он по возвращении не съел ни крошки, и теперь у него от голода живот подвело к спине. Едва проспав пару часов в полусне, он снова проснулся от голоса в желудке.

Стоило ему открыть глаза, как он увидел, что глава как раз собирается уходить. Озадаченно моргнув, он тихо спросил: «Глава, так поздно... то есть, еще так рано, ты куда собрался?»

— На Ближний Восток, — не поднимая головы, ответил Мо Яо.

— А? — Мо Чэнь тут же сел на постели. — Глава, ты что, выпускаешься? Уходишь отсюда? А как же тогда Мо Сяобай?

Он слегка растерялся: разве глава не был все это время привязан к Мо Сяобаю, не тянул время и не собирался ждать, пока тот тоже закончит обучение, чтобы отправиться вместе? С чего вдруг такой уход?

Помолчав немного, Мо Яо произнес: «Без меня ему, пожалуй, будет лучше».

Мо Чэнь несколько мгновений ошеломленно сидел на кровати. Мо Яо уже вышел из комнаты, и лишь когда дверь закрылась, Мо Чэнь пришел в себя, поспешно спрыгнул с кровати и бросился в погоню: «Глава, а как же я?!»

Мо Яо приподнял бровь и с недоумением обернулся к нему.

Мо Чэнь обиженно и жалобно протянул: «Глава, мне так не хочется тебя отпускать, давай я с тобой поеду!»

Они с Мо Яо были близнецами, братья с самого детства тренировались вместе и столько лет провели бок о бок. Хотя глава обычно держался холодно, от одной мысли о таком внезапном расставании Мо Чэню и впрямь стало тоскливо.

Мо Яо брезгливо окинул его взглядом: «Я отправляюсь на задание, а не навсегда пропадаю! Закончу дело и вернусь в Рим». Мо Чэнь кивнул:

— Глава, мне тоже пора выпускаться, совсем скоро я вернусь в Рим помогать!

— Тебе спешить некуда, — голос Мо Яо помрачнел. — Побудь с ним еще немного!

Едва договорив, он развернулся и ушел из лагеря. Мо Чэню тоже расхотелось ложиться спать. Помаявшись в одиночестве с урчащим животом, он дождался времени обеда и поспешил в столовую на завтрак.

Ровно в шесть утра Мо Сяобай с трудом разлепил глаза. Взгляд заволокло пеленой, веки жгло

от рези. Стоило ему приподнять руку, собираясь потереть глаза, как он заметил, что пальцы намертво замотаны толстыми слоями марли.

Немного посидев в растерянности, он сел, опустил голову и другой рукой осторожно потрогал повязку. Долго колеблясь, он неуверенно позвал:

— Глава?

Никто не откликнулся.

Он поднялся на ноги, опустил голову и прижался спиной к железным прутьям в ногах кровати Мо Яо. Просидев так в долгом молчании с полнейшим хаосом в голове, он безумно хотел поговорить с Мо Яо, но совершенно не представлял, с чего начать.

Внезапно в его глазах мелькнула искорка:

— Глава, ты ведь знаешь эту Шанну, верно? Вот почему ты разозлился, когда я поцеловал её!

Тишина в ответ.

Искорка в глазах Мо Сяобая тут же потускнела:

— Да как такое возможно? Ты вечно кажешься ледяным, отталкивающим любого за версту... С чего бы тебе быть с ней знакомым?

Комната погрузилась в мертвую тишину.

Словно прошла целая вечность, прежде чем Мо Сяобай тихо пробормотал:

— Но... почему я? Почему именно я? Братец, я же твой младший брат!

В пустой комнате он раз за разом шепотом повторял один и тот же вопрос: почему он? Как ни силился, он не мог найти ответ и не смел даже поднять голову, чтобы взглянуть на главу. Так и стоял, оцепенелый, прислонившись к спинке кровати Мо Яо, и что-то бессвязно бормотал себе под нос.

Вернувшись, Мо Чэнь застал Мо Сяобая в совершенно отрешенном виде — тот продолжал безостановочно бормотать под нос о главе. Нахмурившись, Мо Чэнь бросил:

— Мо Сяобай, ты что здесь делаешь?

Мо Сяобай повернулся к нему:

— Братец? Куда это ты ходил так рано?

Он скашивал глаза, не решаясь посмотреть на постель Мо Яо, но взгляд его всё равно то и дело скользил за спину Мо Чэня.

Мо Чэнь презрительно зыркнул на него:

— Хватит, можешь не пялиться, глава уже ушел!

Мо Сяобай в панике оглянулся: постель и вправду была пуста, от человека, занимавшего её, не осталось и следа.

— Братец, а где глава? Куда он отправился?

В его голосе слышалась легкая паника.

Мо Чэнь ответил с мрачным видом, даже не поднимая головы:

— Глава уехал. Ему пора выпускаться, он отправился в Ливан.

— Почему это? — Мо Сяобай внезапно подскочил к нему и схватил за воротник.

Мо Чэнь опустил на стул, бросил на него косой взгляд и ничего не ответил.

Мо Сяобай тоже умолк. С потухшим видом он опустил неподалеку, уставившись глазами в пустую койку наверху. Он ведь отчетливо помнил: когда он вернулся около трех часов ночи, кто-то там лежал. Прошло меньше трех часов — как же человек мог исчезнуть?

Это было первое внезапное исчезновение Мо Яо, и Мо Сяобай охватила дикая паника. Он донельзя привык к тому, что глава всегда находился на расстоянии вытянутой руки — стоило позвать, и он являлся, стоило попросить, и он исполнял. Теперь же Мо Яо внезапно исчез из его жизни, лишив парня опоры и повергнув в полнейшую растерянность.

Внутренний страх оказался сильнее вчерашнего.

Стоило вообразить, что глава больше никогда не будет баловать и защищать его, как Мо Сяобаю показалось, будто он балансирует на цыпочках по самому краю острого лезвия, чувствуя невыносимую, колющую боль.

Просидев так напротив друг друга долгое время, Мо Чэнь поднялся:

— Сяобай, скоро начнется тренировка, пошли вниз!

Мо Сяобай очнулся от оцепенения и пробормотал:

— Братец, глава правда ушел?

— Ушел, я сам видел своими глазами!

— Когда ушел? Почему я ничего не знал! — Мо Сяобай резко вскочил на ноги, так испугав Мо Чэня, что тот отшатнулся назад на целый шаг:

— Мо Сяобай, прекращай сходить с ума! Когда глава уходил, ты дрых как свинья, и даже не заметил, как он подходил, чтобы укрыть тебя одеялом, и сколько времени просидел у твоей кровати!

Мо Сяобай опустил голову, сердце у него в груди заколотилось птичкой, гулко и безостановочно.

Если бы это произошло вчера, и кто-нибудь сказал ему, что посреди ночи Мо Яо вставал, чтобы укрыть его одеялом, и долго сидел рядом, он наверняка не придавал бы этому никакого значения — глава всегда относился к нему, младшему брату, с чрезмерной нежностью и заботой.

Но теперь он невольно думал совсем о другом. Опустив голову, он почувствовал легкое смущение. Глядя на собственные пальцы, он позволил уголкам губ изогнуться в едва заметной, неуловимой улыбке — такой слабой, что, пожалуй, он и сам её не заметил.

Когда Мо Сяобай и Мо Чэнь подошли к лагерю, большинство курсантов уже собрались. На сегодня были назначены обычные задания: работа в группах по пять человек, с выставлением оценок каждой команде.

<http://bllate.org/book/22270/2331508>